

РОССИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БОРЬБЕ С ГЛОБАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

В статье анализируются документы международных и региональных организаций, посвященные противодействию экстремизму и терроризму, или имеющие упоминание этого вопроса. Выделяются факторы, препятствующие созданию мировой антитеррористической (антиэкстремистской) коалиции. Показано, что сегодняшние ожидания по борьбе с экстремизмом и терроризмом (помимо национально-государственных структур) следует отдавать региональным и субрегиональным объединениям. Выявлено, что принципиальные векторы антитеррористической деятельности ШОС и ОДКБ по большей части совпадают или содержательно близки. Делается вывод, что оптимальным выглядит усиление межрегионального взаимодействия уже существующих структур (например, ШОС и ОДКБ), по «антитеррористической повестке» в евразийском ареале.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, РФ, ООН, ШОС, ОДКБ, Глобальная контртеррористическая стратегия, стратегирование борьбы с проявлениями антигуманизма.

Меры по противодействию таким глобальным угрозам, как терроризм и экстремизм имеет два уровня или измерения своей актуализации. Первое из них предполагает двусторонние и многосторонние форматы нормативно-го и правового взаимодействия, входящие в систему международного права с одним принципиальным допущением о том, что такое сотрудничество не может быть использовано в качестве инструмента реализации односторонних политических интересов и геополитических преимуществ.

Второй уровень противодействия терроризму и экстремизму непосредственно связан с участием и активной позицией Российской Федерации в международных организациях и институтах.

Неким продолжением международной повестки дня по противодействию терроризму и экстремизму являлось выступление В.В. Путина на 70-й

сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2015 г.), где президент РФ предложил на основе международного права создать широкую международную анти-террористическую коалицию, включающую мусульманские страны: «Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто как и нацисты, сеют зло и человеконенавистничество» [1].

За последние пятнадцать лет возник ряд факторов (особенно после 2014 г.), которые с различной степенью интенсивности препятствовали созданию мировой антитеррористической (антиэкстремистской) коалиции:

– перманентная конфликтогенность на региональном, субрегиональном («периферийном») и мировом уровнях на фоне значительной утраты доверия между субъектами международных отношений;

– эскалация политики сдерживания со стороны США, НАТО и ЕС по отношению к России и Китаю как угрозы Западу наравне с терроризмом и изменениями климата;

– социально-экономические кризисы, последствия пандемии COVID-19 с национально-государственным «эгоизмом» их преодоления;

– актуализация идеи и политической практики Запада «о неизбежном упадке и угасании России»;

– смена американской парадигмы с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в Афганистане, Ираке и Сирии и ростом экстремизма в США;

– новый уровень неопределенности и нестабильности в рамках усиления «региональной глобализации» и фактической многополярности современного мира.

В этой связи мы полагаем, что мировое общественное развитие, как минимум некоторое время, будет проходить в условиях кризиса «классической глобализации» в новых геоэкономических и политических реалиях в однозначно проявляющейся «глобализации региональной» с адекватной эволюцией соответствующих организаций и институтов. Более того, в силу сложившихся объективных факторов, не предполагающих консолидацию всего мирового сообщества даже перед такими негативными явлениями, каковыми безусловно являются терроризм и экстремизм, сегодняшние ожидания по борьбе с ними (помимо национально-государственных структур) следует отдавать региональным и субрегиональным объединениям.

Наиболее показательной иллюстрацией и весомым аргументом в пользу данного предположения является деятельность Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), возникшей в 1996 году, по борьбе с терроризмом.

Согласно Хартии ШОС, одной из основных целей организации провозглашено «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией» [4].

Одним из важнейших в этой связи документов является Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г. На наш взгляд, данный документ имеет принципиальное значение, особенно в части «объединения» в ней как терроризма и экстремизма, так и сепаратизма, с акцентом внимания если и не на генетическом родстве данных феноменов, то на их политико-функциональной близости на стадии их актуализации.

При этом в Конвенции даны базовые дефиниции понятиям «терроризм», «сепаратизм», и «экстремизм» [5]. Отметим, что в целом основные параметры указанных понятий корреспондируются с аналогичными феноменами в других российских и международных нормативно-правовых документах.

Значимость ШОС и ее деятельность по противодействию терроризму и экстремизму, а также связанным с ними сепаратизму и нелегальной миграции, заключена, прежде всего, в динамизме соответствующих организационных структур и практического взаимодействия между государствами-членами.

Определяющая роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом, на наш взгляд, играет специальный институт (орган) – региональная антитеррористическая структура ШОС – РАТС, учрежденная через год после одобрения Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Основные направления деятельности РАТС ШОС заключены в:

- ведении банков данных террористических и экстремистских организаций (более 100);
- подготовке и проведении розыскных мероприятий соответствующего профиля;
- проведении антитеррористических учений;
- подготовке кадров;
- коммуницировании с аналогичными международными организациями [2].

Рассматривая векторы антитеррористического и антиэкстремистского евразийского сотрудничества государств-членов ШОС, следует отметить, что выбранные модели такого взаимодействия и его организационных структур являются достаточно эффективными и оптимальными, прежде всего в силу общности или близости национально-государственных интересов в контексте «антитеррористической повестки». Этому в немалой степени способствовал достаточно уникальный статус самой организации, поскольку, по уставно-правовым документам, она (ШОС) не является в полной мере образованием региональной безопасности, а также военным блоком. Более того, интеграционным фактором в известной мере является общая евразийская идентичность на основе социокультурной, исторической континентальной общности.

Иной (частично совпадающей по членству) межрегиональной моделью противодействия терроризму и экстремизму как известно, является

ОДКБ. На основе Стратегии коллективной безопасности до 2025 г., среди угроз безопасности определена деятельность экстремистских и террористических организаций, пропаганда и финансирование терроризма, рекрутирование граждан в ряды международных террористических и религиозно-экстремистских организаций с прогнозируемым ростом террористической активности за счет возвращающихся на родину граждан государств-членов ОДКБ.

К определяющим направлениям антитеррористической деятельности ОДКБ следует отнести:

- тактико-специальные учения для КСОР «Кобальт» «Поиск», «Боевое братство», «Взаимодействие», «Рубеж», «Нелегал» и т.д.;
- создание единого реестра террористических организаций и критериев по их определению;
- разработка нормативно-правового противодействия терроризму для координации действий стран-участников [3].

Нетрудно заметить, что принципиальные векторы антитеррористической деятельности ШОС и ОДКБ по большей части совпадают или содержательно близки. Определенная схожесть также наблюдается в их территориальном «преломлении», помимо практической идентичности объекта – террористические, экстремистские и сепаратистские угрозы, а также проблем их сопровождающих – миграционные процессы, «транзитный» рекрутмент, «сетевое» обеспечение и т.д.

С учетом обозначенных реалий, оптимальным выглядит усиление межрегионального взаимодействия уже существующих структур (например, ШОС и ОДКБ), по «антитеррористической повестке» в евразийском ареале. Позитивные примеры подобного взаимодействия, имеющие в целом локальный характер своего применения, тем не менее, могут создать устойчивую мотивацию по распространению соответствующего политико-правового опыта, в частности, России сначала на евразийский регион в рамках ШОС и ОДКБ, а затем на другие субконтинентальные пространства.

И здесь наиболее важными проблемами для принятия дополнительных превентивных мер и аргументом для консолидации ШОС и ОДКБ, представляются вопросы террористической эскалации, связанные с выводом военного контингента США из Афганистана, миграцией боевиков ИГИЛ в Южнокавказский и Центрально-Азиатский регионы.

Таким образом, на наш взгляд, наиболее перспективной моделью борьбы с терроризмом и экстремизмом, включая их международные вариации, выглядит практика взаимодействия и координации между ШОС и ОДКБ, объединяющая значительную часть Евразии. Общемировые институции, начиная с ООН, как известно, координируют и взаимодействуют с указанными структурами и одобряют их деятельность.

Подобная постановка проблемы (о приоритетности регионального и межрегионального взаимодействия по борьбе с терроризмом и экстремизмом) с учетом их международной составляющей вовсе не исключает или снимает значимость формирования, так называемого Антитеррористического глобального альянса. Однако, при консенсуальном согласии о необходимости борьбы с глобальным злом, каковым является экстремизм и терроризм, вопросы создания подобной коалиции до сих пор не актуализированы. По-видимому, данный процесс при всей своей актуальности, имеет отложенный характер, несмотря на наличие Глобальной контртеррористической стратегии (2006 г.) под эгидой ООН, упомянутой выше.

Тем не менее, на наш взгляд, возможно подойти к решению данного вопроса с праксеологической стороны – исследовать проблемы противодействия экстремизму и терроризму, в том числе и в создании глобальных и «глобально»-региональных альянсов в указанном контексте посредством теории стратегии и стратегирования. Представляется в полной мере оправданным использование теоретико-прикладных технологий «стратегирования» для формирования глобальных, международно-региональных и национально-государственных стратегий противодействия терроризму и экстремизму.

Межрегиональные, национально-государственные антитеррористические и сопутствующие им стратегии в этом смысле более предпочтительны. Например, евразийская контрэкстремистская и террористическая стратегии, впрочем, как российская национальная, с точки зрения достижимости, выглядят более оптимистично, нежели разного рода глобальные стратегии.

На наш взгляд, необходимо создание координационного механизма, предусматривающего усиление взаимодействия государств-членов ШОС и ОДКБ в качестве фактора укрепления Евразийской безопасности, противодействия терроризму и экстремистской активности. В теоретическом отношении, имеющим прогностический контекст, представляется возможным постепенное формирование на основе имеющихся структур (ОДКБ, СНГ, ШОС и др.) общей антитеррористической институции с общим, «специализированным» целеполаганием, не за счет взаимопоглощения, а посредством «диалектического» структурирования.

С нашей точки зрения, создание подобного противотеррористического и противоэкстремистского ситуационного центра позволит снять указанные выше проблемы и на евразийском пространстве, объединив антитеррористическую спецификацию таких институтов, как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и может быть БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выступление В.В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года // Офи-

---

циальный сайт Президента РФ. 28.09.2015 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385/videos>.

2. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 06.06.2002 // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/supplement/3864>.

3. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года // Официальный сайт ОДКБ. 18.10.2016 // https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/.

4. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 года), с изменениями и дополнениями, ратифицирована ФЗ РФ от 6 июня 2003 года № 66-ФЗ // Официальный сайт МИД РФ // https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550.

5. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001), ратифицирована РФ ФЗ № 3-ФЗ от 10.01.2003 г. // Официальный сайт МИД РФ // https://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/554550.

R.H. MIRZAZHANOV

*Head of the educational Department
of the Department of special training of the military
training center at Moscow state University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

RUSSIA AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIGHT AGAINST THE GLOBAL THREATS OF EXTREMISM AND TERRORISM

In this paper we analyze the documents of international and regional organizations dedicated to combating extremism and terrorism, or at least mentioning this issue. The factors hindering the creation of a global anti-terrorist (anti-extremist) coalition are highlighted. It is shown that today's expectations in the fight against extremism and terrorism (in addition to national-state structures) should be orientated towards regional and sub-regional associations. We reveal that the principal vectors of the anti-terrorist activities of the SCO and the CSTO for the most part coincide or are similar in content. We conclude that strengthening of inter-regional interaction of already existing structures (for example,

---

the SCO and the CSTO) on the “anti-terrorist agenda” looks optimal for the Eurasian area.

Key words: *extremism, terrorism, the Russian Federation, the UN, the SCO, the CSTO, the Global Counter-Terrorism Strategy, strategizing the fight against manifestations of anti-humanism.*